

УДК 124.2

ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ МАРКСИЗМА

А. В. Арапов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 мая 2024 г.

Аннотация: Маркс – детерминист. Безличные социальные и экономические силы определяют всю жизнь общества и человека. В схеме нет места человеческой свободе. Всё, о чем мы думаем, на самом деле находится на уровне надстройки, на поверхностном уровне, без независимой причинной силы. То, что действительно управляет вещами, происходит на базисном уровне, чисто материальном, управляемом экономическими законами. Ленин отказывается от жесткой версии марксистского детерминизма. Он верит в человеческую свободу и силу воли. Для Маркса вся мировая история есть история классовой борьбы. Но Ленин подчеркивает, что классами руководят партии, а партиями – лидеры.

Ключевые слова: марксизм, детерминизм, свобода воли, социализм, ленинизм, франкфуртская школа, онтология общества.

Abstract: Marx is a determinist. Impersonal social and economic forces determine the entire life of society and individuals. There is no place for human freedom in the scheme. Everything we think about is actually at the superstructure level, at the surface level, without independent causal power. What really governs things happens at a basic level, purely material, governed by economic laws. Lenin rejects the rigid version of Marxist determinism. He believes in human freedom and the power of will. For Marx, all world history is the history of class struggle. But Lenin emphasizes that classes are led by parties, and parties are led by leaders.

Key words: Marxism, determinism, free will, socialism, Leninism, Frankfurt school, ontology of society.

Философия истории Маркса и Энгельса, именуемая также историческим материализмом, возникла не на пустом месте. Предшествующая марксизму философская мысль была источником ряда характерных для марксизма идей и подходов. На первое место среди источников и предшественников марксизма следует поставить философию Гегеля и здесь важно отметить два ключевых момента.

Во-первых, Гегель предпринял смелую попытку применить созданную им диалектику к пониманию хода всемирной истории. Это был идеалистический подход, и он был отвергнут в марксизме. Однако к Марксу перешло гегелевское стремление с помощью диалектического метода раскрыть логику истории, показать глубинную связь исторических событий, их закономерный характер.

Во-вторых, Маркс взял у Гегеля важную идею о противоречии как источнике развития. До Гегеля противоречие, как правило, рассматривалось как что-то негативное, нежелательное, чреватое разрушительными последствиями. Однако Гегель, а вслед за ним

Маркс, увидели в противоречии, столкновении противоположных сил источник поступательного движения, причину возникновения и развития новых форм жизни общества.

Подход Маркса к онтологии общества исходит из того, что экономическая сфера является единственной реальной основой жизни общества. За любыми политическими лозунгами и декларациями стоят экономические интересы. Формационный подход объясняет цели людей, идеи, которыми руководствуются партии, классы, разные общественные силы, условиями материальной жизни личностей и целых социальных групп. За лозунгами, программами партий марксизм стремится увидеть интересы определенных, социальных групп, общественных классов. Именно реализм во взгляде на общественные отношения и политические процессы – сильная сторона формационного подхода. Слабая сторона – присущий многим его приверженцам догматизм. На взгляды Маркса и Ленина часто смотрят как на некую абсолютную истину. Между тем в любой теории для лучшего

© Арапов А. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

объяснения действительности периодически приходится пересматривать многие положения, в том числе ранее считавшиеся фундаментальными. Если этого не делать, теория начинает отставать от реальности. Об опасности такого догматизма предупреждал еще Энгельс. Он писал о тех, кто воспринимает марксизм «доктринерски и догматически, как нечто такое, что надо выучить наизусть, и тогда уж этого достаточно на все случаи жизни. Для них это догма, а не руководство к действию» [1, с. 488]. Детерминизм Маркса будет виден особенно выпукло, если мы сравним его взгляды со взглядами Ленина. Ленин утверждает, что он ортодоксальный марксист. Но на самом деле Ленин не ортодоксальный марксист. Маркс – детерминист. Безличные социальные и эко-

номические силы определяют всю жизнь общества и человека. В схеме нет места человеческой свободе. Всё, о чем мы думаем, на самом деле находится на уровне надстройки, на поверхностном уровне, без независимой причинной силы. То, что действительно управляет вещами, происходит на базисном уровне, чисто материальном, управляемом экономическими законами. Мы не можем на это повлиять.

Теорию Маркса можно отнести к так называемым двухуровневым теориям, предполагающим существование двух принципиально различных уровней человеческого бытия: поверхностного и глубинного, – которым соответствуют два уровня понимания этого: обыденный и научный. Такую концепцию можно представить в виде следующей таблицы:

Проявленный уровень	Научный уровень
Мы мыслим свободно	Наше мышление детерминировано чем-то, что мы не осознаем.
Мы делаем свободный выбор	Наш выбор детерминирован законами природы и общества.
Мы поступаем разумно.	Разумные соображения не более чем рационализации.
Мы поступаем правильно или неправильно.	Морали не существует или она сводится к чему-то еще.
Мы отвечаем за свои поступки.	Поскольку у нас нет свободы, у нас нет и ответственности.

Посмотрим пристальнее на двухуровневые теории. Из чисто физикалистской версии двухуровневой теории, например из атомной теории материи, не следует ничего политического. В такой версии существуют связи между глубиной и поверхностными уровнями; вот почему поведение микрочастиц или других объектов глубинного уровня в принципе объясняет поведение макрообъектов, т. е. объектов поверхностного уровня. При этом никто (по крайней мере, на настоящий момент) не знает и не может манипулировать этими связями в больших масштабах, необходимых для политического действия. Возможно, мы сможем использовать их в небольших масштабах в медицине и фармакологии для разработки обезболивающих, анестетиков, препаратов, изменяющих настроение, антипсихотиков и т. п. Но из такой версии двухуровневой теории ничего не следует относительно политической и социальной организации общества в целом. Что если бы мы знали базовый уровень и понимали его связи с поверхностным уровнем в большом масштабе? Тогда, возможно, мы могли бы изменить поверхность, манипулируя основанием. Назовем это неогностическим видением. Гностики в Древнем мире думали, что обладают тайным знанием, которое является ключом к спасению. Их особое понимание мира и Божественного царства должно было, как они полагали, принести им возвращение в Божественную полноту. У неогностиков есть секулярная версия данной точки зрения. Они считают, что обладают особыми знаниями, которые могут привести их в мирской рай, утопию. Неогностики убеждены, что их тайные знания дают

ключ к созданиюрая на земле. Предположим, вы верите, что обладаете этим тайным знанием и можете править, используя его. Вы один из посвященных – людей, обладающих тайными знаниями. Вы мечтаете сделать общество лучше. Но что делать? Конечно, надо манипулировать основанием, чтобы изменить поверхность. Что могло бы сделать общество лучше? Чтобы ответить на этот вопрос, вам нужно полагаться на нормы. А базовый уровень их не содержит. Таким образом, в основе неогностического взгляда лежит глубокая напряженность. Можно назвать это Парадоксом посвященного. Это приводит к тому, что некоторые авторы называют герменевтикой подозрения. Герменевтика – искусство интерпретации. Идея герменевтики подозрения состоит в том, чтобы интерпретировать то, что люди говорят и делают, с подозрением, рассматривая их слова и действия как маскировку чего-то другого. Разумеется, Маркс далек от физикалистских и, вообще, натуралистических взглядов на человека и общество. Его глубинный уровень – это базис (совокупность производительных сил и производственных отношений), а поверхностный – надстройка (в которую входят государство, право, мораль, религия, философия, искусство). С марксистской точки зрения, чтобы интерпретировать язык или поведение, вы не смотрите на поверхность; вы смотрите на базисные (материальные и, в частности, экономические) причины. Причины, которые приводят сами люди, – это не реальные причины. Это поверхностные причины, происходящие из других, совершенно иного рода причин. Марксизм ведет к подозрению по отношению к морали, добро-

детели, любым моральным, практическим или политическим идеалам. Они не те, кем кажутся; они являются прикрытием для экономических интересов. Это дает нам марксистскую версию Парадокса посвященного.

Ленин отказывается от жесткой версии марксистского детерминизма. Он верит в человеческую свободу и силу воли. Для Маркса вся мировая история есть история классово-борьбы. Но Ленин подчеркивает, что классами руководят партии, а партиями — лидеры. В своей работе «Что делать?» Ленин пишет о революционной элите, группе бойцов авангарда. Кто они? Это небольшая, тайная, дисциплинированная элита. Их цель — сформировать у широких масс пролетарское классовое сознание и совершить революцию. Роза Люксембург (1871–1919), современница Ленина, марксистка, критикует эту идею. Она считает, что это ведет к военному ультрацентризму. Ленин отвечает на это, что революция не произойдет сама собой. Рабочие хотят улучшить свое собственное положение, поэтому они готовы вступать в профсоюзы, чтобы попытаться получить власть над корпорациями. Они способны попытаться улучшить свою судьбу, и, действительно, на рубеже веков они значительно улучшили свою долю. Но при этом успехе Ленин не видит никакого импульса к революции, исходящего от самих рабочих. Это должно быть введено кем-то другим. Итак, говорит Ленин, важно иметь организацию революционеров. Они являются важным фактором в осуществлении политической революции. Организация революционеров, говорит он, должна состоять, прежде всего, из людей, профессия которых есть революционная деятельность. Это должна быть секретная организация. Она не должна быть слишком обширной; это должен быть узкий круг товарищей. Никакое движение не может быть устойчивым без стабильной организации, без лидеров, поддерживающих преемственность. У вас должна быть небольшая группа, в группе должны оставаться одни и те же люди. Группа должна поддерживать преемственность, чтобы проводить свою политическую линию. Массы должны как можно шире вовлекаться в революционную борьбу, но при этом они должны находиться под контролем узкого круга профессиональных революционеров. Тайная организация революционеров должна быть чем-то, что не только разжигает революцию, но и контролирует ее, направляет ее. Жизненно важно, чтобы лидеры подталкивали события в правильном направлении. Организация должна состоять главным образом из лиц, полностью посвятивших себя революционной деятельности. Дело не только в том, что у рабочих не будет времени или энергии для этого, хотя это правда. У них не будет нужной концентрации. Любой, у кого есть другая работа, будет разрываться между проти-

воречивыми целями. Жизненно важно, чтобы у людей, составляющих революционную элиту, не было никаких конфликтов. У них должна быть одна цель, и они должны следовать ей неуклонно. И, наконец, в стране с авторитарным правительством важно ограничить членство в организации. Это должны быть люди, которые являются профессиональными революционерами. Они должны быть профессионально подготовлены для борьбы с политической полицией. Ленин предлагает соединить марксистское учение и опыт конспиративной деятельности немарксистских революционных организаций, таких как «Народная воля». К этим двум компонентам надо добавить агитацию и пропаганду среди широких народных масс. Таков ленинский рецепт успешной революционной борьбы, изложенный в работе «Что делать?».

Другой важной новацией Ленина был отказ от одной из основных догм ортодоксального марксизма, согласно которой для осуществления пролетарской революции необходима пролетаризация большинства населения страны. Согласно Ленину, нет необходимости в том, чтобы большинство населения составлял рабочий класс. Для победы революции должен сложиться союз рабочих и крестьян, с руководящей ролью у первых. Ленин увидел в российском крестьянстве революционную силу и союзника пролетариата. Тяжелое положение российского крестьянства делает его не опорой буржуазного государства (каковым оно является в развитых капиталистических странах), а революционным классом. Отказывается Ленин и от ортодоксальной идеи о том, что пролетарская революция должна произойти в наиболее развитых капиталистических странах. С точки зрения классической марксистской теории только когда все возможности развития производительных сил в рамках капиталистических производственных отношений исчерпаны, может произойти переход к социализму. Однако, с точки зрения Ленина, для успеха революции важнее острота социальных противоречий в стране, а не уровень ее экономического развития. Революция вполне возможна в среднеразвитой капиталистической стране, в которой социальные противоречия являются особенно острыми. Такая страна является слабым звеном в цепи империализма.

Ленин в апреле 1917 г. смог адекватно оценить ситуацию.

Действительно, поддержка народа была у Временного правительства до тех пор, пока народ надеялся, что Временное правительство сможет решить насущные проблемы народа. Хотя поздний состав Временного правительства и считался социалистическим, но никаких социалистических преобразований они так и не решились произвести. Не смогли они построить и парламентскую демократию. После июля 1917 г. в стране фактически было авторитарное

правление А. Ф. Керенского. Многие считали, что стране нужен кто-то вроде Бонапарта. На роль Бонапарта претендовали и сам Керенский, и генерал Корнилов, попытавшийся совершить военный переворот. Не из того, не из другого Наполеона не получилось. Ленин в «Апрельских тезисах» сформулировал два вопроса, которые являются насущными и которые Временное правительство не может решить. Первый вопрос – о мире. Сейчас мы уже знаем, что война вскоре закончилась поражением Германии. Россия, выйдя из войны, потеряла фактически уже завоеванную победу, и все жертвы, принесенные на полях Первой мировой, из-за этого оказались напрасными. Но в 1917 г. было трудно предсказать, когда и как закончится война. На фронтах был позиционный тупик. Немецкие войска стояли на российской земле, а не наоборот. Русская армия несла большие потери, а перелома в положении на фронте не наступало. Второй вопрос – о земле. Большинство крестьянской и солдатской (тоже, фактически, крестьянской) массы желало прекращения войны и желало раздела помещичьих земель. С крестьянской точки зрения было несправедливо, что помещик владел участком земли во много раз большим, чем крестьянин. Двести лет назад дворянин за свое поместье обязан был нести сложную и опасную службу, «платить налог кровью». Но Екатерина II фактически освободила дворян от каких-либо обязанностей. Остались только права. При Александре II была введена всеобщая воинская повинность. Служить были обязаны и крестьяне, и дворяне. Но, получив равную с дворянами обязанность нести воинскую службу, крестьяне не получили равных прав в отношении земли. С крестьянской точки зрения землю надо было делить по справедливости. Каждая семья должна была иметь столько земли, сколько она сама может обработать. Все партии понимали остроту аграрного вопроса и вопроса о мире, но не считали возможным радикальные решения. Конфискация помещичьих земель была нарушением внутренних законов, а прекращение войны – нарушением международных обязательств. Со стороны Временного правительства были одни обещания и декларации. Однако для Ленина политика была искусством невозможного. Он провозгласил курс на конфискацию помещичьих земель и немедленное прекращение войны. Даже в самом большевистском руководстве его курс не все поддерживали. Но представители с мест поддержали. Ленин смог стать голосом «молчаливого большинства», которое и обеспечило ему победу.

Поскольку марксизм со временем развился в различные направления и школы мысли, не существует единой, окончательной версии марксистской теории. В частности, появились версии, в которых марксизм сочетался с либерализмом. Такие варианты

марксизма и либерализма появились и получили популярность более ста лет тому назад. За такое соединение Ленин называл Каутского ренегатом. В XX в. эти варианты стали называть социал-демократией. Социал-демократические партии сейчас неотъемлемая часть политического ландшафта всех развитых капиталистических государств. Но при этом современные социал-демократы не обязательно позиционируют себя в качестве марксистов. Что касается коммунизма, то большинство марксистов убеждены, что коммунизм рано или поздно наступит. Ведь с точки зрения марксизма переход к коммунизму – это неизбежный и закономерный итог развития капитализма, а не результат каких-то заговоров. Но при этом коммунизм может рассматриваться как достаточно отдаленное будущее.

Помимо школ мысли, которые подчеркивают или модифицируют элементы классического марксизма, различные марксистские концепции были включены и адаптированы в широкий спектр социальных теорий, что привело к самым разным выводам. Но еще в 1947 г. Адорно и Хоркхаймер писали в своей работе «Диалектика Просвещения»: «С давних пор Просвещение в самом широком смысле прогрессивного мышления преследовало цель избавить людей от страха и сделать их господами. Но наконец-то просвещенная планета воссияла под знаком триумфирующего зла» [2, с. 16]. Итак, для левых постмарксистских интеллектуалов Просвещение ведет к «триумфирующему злу». Мир современной Европы для них – это мир системы, угнетающей, подавляющей человека, лишаящей его подлинности. Это «фабрика» из «Полета над гнездом кукушки» или «товарный склад» левацких листовок. В отличие от марксизма, с его устремленностью в будущее, для франкфуртской школы характерны архаизирующие тенденции. В той же «Диалектике просвещения» авторы пишут о «потребности спасти прошедшее в качестве живого вместо того, чтобы использовать его в качестве материала прогресса» [там же]. Франкфуртская школа отказалась от классической марксистской схемы, согласно которой есть класс эксплуататоров-угнетателей – буржуазия и есть класс угнетенных – пролетариат. Угнетает не класс – угнетает безличная система. И буржуазия, и пролетариат – соучастники этого угнетения. Каждый человек в системе – и угнетенный, и угнетатель одновременно. Это не значит, что борьба невозможна. Адорно и Хоркхаймер говорят о «подлинно революционной практике». Однако кто же будет осуществлять эту практику? Кто может осуществить революционное действие? Аутсайдеры, маргиналы, те, кто не интегрировался в систему, те, кто находится на ее периферии.

Существует немало немарксистских вариантов социалистической идеологии. Отметим так называемые

мый «Фабианский социализм». Это фактически идеология Лейбористской партии Великобритании. Сторонники фабианства считают, что преобразование капитализма в социалистическое общество должно происходить эволюционно, мирно, плавно, постепенно, медленно, в результате постепенных институциональных преобразований. Отметим «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта, который иногда называют «немарксистской социал-демократией». Основная идея Рузвельта – «большие корпорации, большие профсоюзы и над ними – большое государство». Вопросы приема на работу, увольнения, условий труда и заработной платы стали решаться при обязательном участии профсоюзов. Наконец, по крайней мере с времен Барака Обамы, политику Демократической партии США стали считать социалистической. Самого Обаму многие считают представителем Фабианского социализма.

Скажем несколько слов и о так называемом «скандинавском социализме». Скандинавский социализм – это сочетание социального государства и капиталистической экономики. Что же такое социальное государство? Его не надо путать с социалистическим государством. Это государство, политика которого направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий. Конкретно в Швеции идеи социального государства находят выражение в концепции: «Дом для народа». Это лозунг Социал-демократической партии Швеции. Он имеет как более общий

смысл – то, что вся страна должна стать «домом» для граждан, так и более конкретный – обеспечение большинства доступным жильем. Скандинавская модель отличается от других типов социальных государств своим акцентом на максимизацию участия рабочей силы (всеобщая занятость), на половое равенство, эгалитарные и обширные социальные пособия, большую степень перераспределения доходов и богатства. Такое перераспределение осуществляется за счет высоких налогов. Но, конечно, с точки зрения марксизма – это вообще не социализм, так как не произошло обобществления частной собственности. Кстати, отметим, что согласно нашей Конституции, Российская Федерация является социальным государством.

Марксизм, как школа мысли, оказал глубокое влияние на общество и мировые научные круги, на многие области (включая антропологию, теорию искусства, культурологию, философию, политологию, политическую экономию, психологию и социологию) и вообще на формирование современного мира (различные левые и крайне левые политические движения черпали из него вдохновение в различных местных контекстах).

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо (29 ноября 1886 г.) Фридриха Энгельса (1820–1895) к Ф. А. Зорге // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1964. Т. 36, С. 488.
2. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения : философские фрагменты. М. : СПб. : Медиум – Ювента, 1997.

*Воронежский государственный университет
Арапов А. В., доктор философских наук, доцент
E-mail: arpv@mail.ru*

*Voronezh State University
Arapov A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
E-mail: arpv@mail.ru*